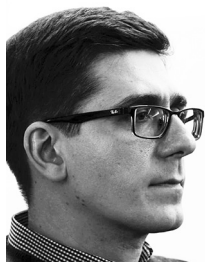


УДК 304.4+32.019.5+323.13+323.15

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_2_61

ОСПАРИВАЕМОЕ ПРОШЛОЕ: К ОБОСНОВАНИЮ ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ*



Денис Эдуардович Летняков,

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, Россия,
letnyakov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.12.2020, принята к публикации 14.06.2021

Для цитирования: Летняков Д.Э. Оспариваемое прошлое: к обоснованию плюралистического подхода к исторической памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 2. С. 61–76. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_61

Аннотация

Статья ставит своей целью проблематизировать подход к исторической памяти, согласно которому последняя рассматривается как нечто целостное и монолитное. Автор показывает, что коллективную память общества продуктивнее понимать как поле, на котором происходит борьба различных нарративов и мнемотических акторов. Актуальность плюралистического подхода обусловлена, во-первых, культурной сложностью большинства современных наций. Очевидно, что различные этнические, языковые, региональные и конфессиональные сообщества могут иметь собственную версию прошлого, отличную от доминирующего исторического нарратива. В качестве примеров приводятся фламандская национальная память в Бельгии, контрпамять чернокожего сообщества в США, получившая своё практическое развитие в деятельности движения *Black Lives Matter* летом 2020 г., аборигенная

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00371).

© Летняков Д.Э., 2021



память о прошлом в Австралии и т. д. Во-вторых, проблематика пересборки коллективной памяти на более плюралистичных основаниях анализируется в связи с фактором внешних миграций. Эта ситуация подробно рассматривается на примере Великобритании, где идут активные дискуссии о необходимости трансформации исторического образования в связи с изменением этнического состава школьников в последние десятилетия. Третий фактор, требующий плюрализации мемориальной культуры, – это идеологические, мировоззренческие расколы, характерные для любого общества. Данный аспект исследования разбирается на примере дебатов между испанскими левыми и правыми относительно оценок Гражданской войны и периода франкизма, немецкого «спора историков» и т. д. В заключительной части статьи автор обсуждает проблему выработки более инклюзивной мемориальной культуры применительно к России. Здесь в фокусе внимания оказывается ситуация, при которой многие российские регионы (прежде всего национальные) имеют свою версию прошлого, не совпадающую с «москвоцентричным» видением истории. Это периодически вызывает мемориальные конфликты внутри российского общества по поводу содержания федеральных учебников истории, попыток прославления различных исторических личностей и т. д. В итоге в статье делается вывод о том, что национальное государство не стоит рассматривать как единое «сообщество памяти», а любые попытки насильственной унификации будут неизбежно порождать мнемотическое сопротивление со стороны тех, чья память подавлена и маргинализована.

Ключевые слова:

историческая память, мемориальная культура, историческая политика, мемориальные конфликты, культурное разнообразие, Россия, Запад.

UDC 304.4+32.019.5+323.13+323.15

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_2_61

CONTESTED PAST: ON SUBSTANTIATION OF A PLURALISTIC APPROACH TO HISTORICAL MEMORY

Denis E. Letnyakov,

State Academic University for the Humanities,
Moscow, Russia,
letnyakov@mail.ru

Article received on December 29, 2020, accepted on June 14, 2021

For citation: Letnyakov, D.E. (2021). Contested Past: On Substantiation of a Pluralistic Approach to Historical Memory. *Scientific journal "Discourse-P"*, 18(2), 61–76. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_61

Abstract

The article aims to problematize the approach to historical memory, according to which the latter is considered as something integral and monolithic. The author shows that it is more productive to understand the collective memory of society as a field where the struggle of various narratives and mnemonic actors takes place. This thesis is proved, firstly, by the fact of cultural complexity of most modern nations. It is obvious that different ethnic, linguistic, regional and religious communities can have their own versions of the past, different from the dominant historical narrative. Examples include the Flemish national memory in Belgium, the counter-memory of the black community in the United States, which received its practical development in the activities of the Black Lives Matter movement in the summer of 2020, aboriginal memory of the past in Australia etc. Secondly, the problem of reassembling collective memory on a more pluralistic basis is analyzed in connection with the factor of external migrations. This situation is considered in detail on the example of Great Britain, where there are active discussions about the need to transform historical education in connection with changing ethnic composition of schoolchildren in recent decades. The third factor that requires pluralization of memorial culture is ideological and worldview splits characteristic of any society. This aspect of the study is analyzed using the example of debates between the left and the right in Spain regarding assessments of the Civil War and the period of Francoism, the German “historians dispute”, etc. The author considers the problem of developing more inclusive memorial culture in Russia in the final part of the article. The focus is on the fact that many Russian regions (primarily ethnic ones) have their own version of the past, that does not coincide with the “Moscow-centric” vision of history. This periodically causes memorial conflicts within the Russian society over the content of federal history textbooks, attempts to glorify various historical figures, etc. The author concludes that it is counterproductive to consider the national state as an integral “memory community” and any attempts at forced unification will inevitably generate mnemonic resistance on the part of those whose memory is suppressed and marginalized.

Keywords:

historical memory, memorial culture, politics of memory, memorial conflicts, cultural diversity, Russia, the West.

Введение

В последние десятилетия в мире происходит активный пересмотр представлений о национальном государстве как о политическом сообществе, основанном на единой гомогенизирующей культуре. Дискурс о культурном разнообразии пришел на смену прежней убежденности в том, что политические и культурные границы обязательно должны совпадать¹. Одним из важных факторов, повлиявших на этот процесс на Западе, стали массовые миграции в послевоенный период, ко-

¹ Согласно Э. Геллнеру (2002), суть национализма можно выразить максимой «одна культура – одно государство; одно государство – одна культура» (с. 160).

торые привели к усложнению культурного ландшафта принимающих сообществ. В качестве другой причины можно назвать рост регионального национализма. Скажем, в постфранкистский период Каталония стала именоваться не просто «автономным регионом», но «национальностью», что должно подчеркивать много-составной характер современного испанского государства (Хенкин, 2015, с. 125). Похожие тенденции затронули Канаду (случай Квебека), Бельгию (активизация фламандского национального движения), Великобританию (процесс деволуции) и ряд других государств. Этнические, языковые и региональные сообщества мобилизуются вокруг идеи получения или расширения самоуправления, и часто добиваются успеха. Наконец, еще одним фактором, поставившим проблему культурного разнообразия в центр публичных дискуссий, стала активно идущая с 1960-х гг. борьба за признание со стороны расовых, религиозных, сексуальных и прочих меньшинств. Так, в США именно тогда в качестве неотъемлемой части американского общества была признана культура чернокожего сообщества.

Оказывает ли обозначенный сдвиг какое-то влияние на такую сферу, как историческая память, под которой обычно понимаются разделяемые определенным сообществом представления о прошлом? Надо сказать, что с того момента, как государства, основанные на династическом типе легитимности, стали заменяться национальными, в коллективной памяти видели одну из основ для формирования единой культурной идентичности. Не случайно история (наряду с языком) всегда выступала важнейшим инструментом нациестроительства. Национальное государство, таким образом, рассматривалось как целостное «сообщество памяти». Однако проблематизация формулы «одно государство = одна культура» заставляет скептически относиться к такого рода унитаристским подходам.

Что делать, если память не объединяет, а раскалывает общество? Примером может служить Руанда, где после геноцида 1994 г. более чем на 10 лет был введен мораторий на преподавание истории в школе. Вполне оправданная мера в ситуации, когда дети жертв и дети убийц или их пособников могли сидеть буквально за одной партой (Weldon, 2010). Общества, прошедшие, подобно руандийскому, через серьезный внутренний конфликт, представляют, конечно же, особый случай. Но разве в менее драматичных обстоятельствах между разными этническими группами, регионами, языковыми и конфессиональными сообществами, поколениями и социальными классами не могут возникать существенные расхождения по поводу интерпретации прошлого? Если это так, возможно, коллективную память продуктивнее было бы рассматривать не как единый нарратив, а как *поле борьбы* различных нарративов и мнемонических акторов. Данная статья посвящена доказательству этого тезиса. В первой части мы проанализируем, как связано культурное разнообразие современных обществ, а также наличие в них идеологических конфликтов с необходимостью пересборки коллективной памяти на более плюралистичных основаниях. Затем проблематика выработки инклюзивной мемориальной культуры, с которой могло бы соотноситься себя все население страны, будет рассмотрена применительно к России.

Почему важна диалогизация мемориальной культуры?

Первый очевидный фактор, ставящий под сомнение прежний унитаристский подход к исторической памяти, – культурная сложность большинства

современных государств, при которой различные этнические, языковые, региональные, конфессиональные сообщества, составляющие политическую нацию, могут иметь собственную версию прошлого. Скажем, фламандская коллективная память во многом формировалась в оппозиции к общегельгийской – начиная с прославления в конце XIX в. участников Битвы золотых шпор (1302 г.), в которой фламандцами была одержана важная победа над французскими войсками, и заканчивая нежеланием многих жителей Фландрии разделить патриотический нарратив о Второй мировой войне, в центре которого находится память о Движении Сопротивления, действовавшего в условиях нацистской оккупации страны (Weep, 2011). Также и в сегодняшней Великобритании слышно все больше критических слов относительно слишком «англоцентричного» уклона в национальном историческом нарративе, вследствие чего между историей Англии и Соединенного Королевства фактически ставится знак равенства, а Шотландия, Северная Ирландия и Уэльс оказываются где-то на периферии (Parekh, 2000, pp. 17–18). Даже во Франции с ее строго якобинским, унифицирующим видением нации, в 1970-е гг. начался процесс формирования региональных контр историй, которые среди прочего нередко делают акцент на насильственном присоединении к Парижу разных частей страны (Бретани, Корсики, Тулузы и т. д.) (Ферро, 1992, с. 150).

Легитимация культурных различий внутри национальных государств, о которой говорилось выше, дала различным меньшинствам большую возможность оспаривать символическую власть доминирующих групп, в том числе ставить под сомнение их исторический нарратив. Рассмотрим в этой связи случай США. Коллективная память чернокожего сообщества в этой стране долгое время являлась типичным примером вытесненной, маргинализованной памяти. В Америке господствовала триумфалистская трактовка собственного прошлого, в котором расизм и рабство представляли лишь отдельными, малозначимыми эпизодами. Людями, воплощающими в себе настоящую американскую культуру, считались белые протестанты англо-саксонского происхождения (*white anglo-saxon protestants*, WASP), тогда как цветное население было откровенно маргинализировано. Показательно, что в Филадельфии в 1876 г. афроамериканцам даже запретили участвовать в праздновании 100-летнего юбилея Декларации независимости (Burke, 2010).

Однако выстраивание американской идентичности на более инклюзивных основаниях с конца 1960-х гг. повлекло за собой и определенную ревизию истории. Начинается то, что М. Ферро удачно назвал «деколонизацией» текстов школьных учебников, где впервые появляются не только важные для афроамериканцев исторические персонажи вроде Б. Т. Вашингтона или М. Л. Кинга, но и отдельные главы, посвященные культуре чернокожих. С 1969 г. в стране начинают ежегодно отмечать Месяц афроамериканской истории (*Black History Month*). Несколько позже в борьбу на ниве исторической политики включаются и другие небелые меньшинства, считающие, что «роль, которая им отводилась в традиционной истории, несправедливо принижена» (Ферро, 1992, с. 278). В результате переоценке подвергаются даже основополагающие фигуры вроде Х. Колумба – из героя и отважного первопроходца он превращается в виновника геноцида коренных народов Нового Света, а страданиям чернокожих во времена рабства и сегрегации начинает уделяться гораздо больше внимания.

Разумеется, описанный дискурсивный разворот не проходит бесппроблемно – он встречает неприятие со стороны правоконсервативной части американского общества. Любопытным примером таких мемориальных конфликтов может служить Проект 1619 (*The 1619 Project*), который запустила газета *The New York Times* в честь 400-летней годовщины прибытия первого судна с африканскими рабами на Американский континент. 1619 г. как символическая дата начала американской истории сознательно противопоставлялся более привычному 1776 г. на том основании, что универсалистские принципы, провозглашенные в Декларации независимости, долгое время не распространялись на чернокожее население. Проект представлял собой сборник материалов (эссе, подкастов, музыки, фотографий), посвященных афроамериканской истории и культуре, и ставил своей целью «переосмыслить историю страны, поместив вклад в нее афроамериканцев, а также историю рабства в самый центр национального нарратива»². Предполагалось, что все эти материалы будут использоваться и в американских школах. Симптоматично, что известное издание *The Atlantic* обвинило участников Проекта 1619 в «историческом ревизионизме»³; в качестве ответа немедленно возник альтернативный Проект 1776, организаторы которого считали ошибкой превращать рабство и угнетение чернокожих в лейтмотив американской истории⁴; более того, президент Д. Трамп учредил своим указом особую правительственную Комиссию 1776 с тем, чтобы обеспечить «патриотическое воспитание» в школах и противопоставить что-то урокам истории, «которые разделяют Америку»⁵.

Однако «войны памяти» в США ведутся не только в медиапространстве. В 2017 г. после жестких столкновений в г. Шарлотсвилл (Вирджиния) между сторонниками ультраправых и их противниками южные штаты охватила кампания по сносу памятников конфедератам. Куда больший масштаб эти события приобрели летом 2020 г. в связи с движением *Black Lives Matter* (BLM), когда одним из ответов на полицейское насилие в отношении чернокожих стало разрушение по всей стране множества монументов. Причем атаке подвергались уже не только памятники генералам-южанам, но и Х. Колумбу, Дж. Вашингтону и т. д. В консервативных западных медиа (и, кстати, во многих российских) эти события подавались по большей части как откровенно хулиганские выходки, а активисты BLM именовались «погромщиками» и «вандалами». И все же, вне зависимости от отношения к такого рода акциям, редуцировать их к банальным актам вандализма – значит слишком упрощать ситуацию. Не случайно многие наблюдатели увидели в этих событиях своеобразный вариант «иконоборчества» (*iconoclasm*),

² *The 1619 Project* – *The New York Times* (n. d.). Retrieved December 5, 2020, from <https://www.nytimes.com/interactive/2019/08/14/magazine/1619-america-slavery.html>

³ Friedersdorf, C. (2020, April 6). *1776 honors America's diversity in a way 1619 does not*. Retrieved December 5, 2020, from <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/01/inclusive-case-1776-not-1619/604435/>

⁴ Среди основателей и участников Проекта 1776 также доминируют афроамериканцы. Подробнее см. на официальном сайте проекта (<https://1776unites.com>).

⁵ Gaudiano, N. (2020, February 11). *Trump creates 1776 Commission to promote "patriotic education"*. Retrieved December 28, 2020, from <https://www.politico.com/news/2020/11/02/trump-1776-commission-education-433885>

в терминологии Б. Латура, – атаку на символы традиционной европоцентричной культуры, расистского прошлого и белого доминирования. По сути, это было продолжением той же тенденции по «деколонизации» исторической памяти, только теперь борьба шла не за содержание школьных учебников, а за облик общественных пространств.

Похожие процессы происходили в Австралии. До конца 1970-х гг. аборигенное население и мигранты небританского происхождения фактически исключались там из гражданской нации. Но в 1978 г. мультикультурализм был провозглашен государственной политикой, что стало причиной и более инклюзивного подхода к истории. Например, в 1986 г. в стране открылся первый в мире музей миграции, экспозиция которого должна была подчеркнуть множественность истоков австралийской нации, ее сложный культурный бэкграунд. Кроме того, коренное население континента получило символические ресурсы для того, чтобы противопоставить доминирующему историческому нарративу свою контрпамять. Так, в официальном заявлении представителей аборигенного сообщества, посвященном 200-летней годовщине прибытия Первого флота⁶, звучал протест против мифа о «мирном заселении» Австралии – европейцы обвинялись в «физической и культурном геноциде» коренных народов, захвате их земель⁷. Спустя 10 лет, в 1998 г., в стране был учрежден Национальный день сожаления (*National Sorry Day*), который отмечается каждый год 26 мая и ставит своей целью напомнить всем австралийцам о притеснениях аборигенного населения.

В своей знаменитой лекции «Что такое нация?» Э. Ренан сказал, что нацию создает не только общая память о прошлом, но и готовность предать забвению какие-то «неудобные» воспоминания. Примеры Австралии и США показывают, что определенная часть общества может считать стержнем своей идентичности факты, о которых другая его часть предпочла бы забыть. В стране, которая хотела видеть себя «белой Австралией» (в расовом смысле), осуществить такое забвение помогал миф о том, что весь континент до прихода европейцев являлся «ничейной землей» (*terra nullius*). Но после того как политика «белой Австралии» уступила место риторике и практике мультикультурализма, в исторический нарратив пришлось включить аборигенную память о прошлом. Аналогичные сдвиги произошли в США после того, как WASP потеряли монополию на выражение эталонного «американского духа».

Помимо внутреннего источника культурного разнообразия – признания права на различие со стороны «исторических» меньшинств в той или иной стране, не менее важным для многих государств глобального Севера стал внешний фактор в виде растущих миграционных потоков. В дополнение к традиционным иммигрантским государствам (США, Австралия, Канада), население которых всегда пополнялось выходцами из других стран, многие страны Западной Европы в послевоенный период стали реципиентами рабочей силы. Все это тоже ставит вопрос о трансформации политики памяти, тем более что довольно скоро стало

⁶ Так называют корабли с первыми переселенцами из Британии, прибывшими 26 января 1788 г. к берегам Австралии. Эта дата традиционно отмечается как национальный праздник – День Австралии.

⁷ *Aboriginal sovereignty – never ceded*. (1988). *Australian Historical Studies*, 23(91), 1–2.

ясно: речь идет не о «гостевых рабочих», а о людях, нацеленных на постоянное проживание в принимающей стране.

Рассмотрим эту ситуацию на примере Великобритании, поскольку именно там, вслед за США, движение BLM летом 2020 г. развернуло наибольшую активность по «деколонизации» публичного пространства. В частности, активисты британского BLM составили список из 60 монументов, которые они определили как «расистские», а значит подлежащие сносу. При этом принципиальная разница между США и Британией заключается в том, что в первом случае темнокожие активисты BLM представляют «историческое» меньшинство в стране, тогда как во втором – это люди с миграционным бэкграундом.

Опять же, как и в случае с Америкой, тут важно не следовать автоматически за той интерпретацией событий, которые часто предлагают правые политики и медиа, сводя все к бунту «понаехавших» против западной культуры. BLM подняло действительно важную проблему: что делать, если для части британских налогоплательщиков индийского происхождения У. Черчилль – это не только великий государственный деятель и победитель нацизма, но и виновник бенгальского голода 1943 г.? Как должны вести себя городские власти, если известный меценат XIX в., памятник которому стоит на центральной площади, был по совместительству еще и работником? Учитывая, что многие люди с мигрантским прошлым являются гражданами Великобритании и других западных стран, просто так отмахнуться от этой проблемы вряд ли получится. Монументы и другие «места памяти» всегда являются отражением определенного общественного консенсуса, и если в 1895 г., когда в Бристолле ставили памятник Э. Колстону, консенсус заключался в том, что широкая благотворительная деятельность этого джентльмена перевешивает в глазах общества тот факт, что источником его богатства была Королевская африканская компания, то сегодня клеймо работником может оказаться важнее всех заслуг перед соотечественниками.

Новая ситуация «сверхразнообразия» (Meissner & Vertovec, 2015), порожденная миграцией, не может не затрагивать и процесс преподавания истории в школе. В Британии программы исторического образования уже существенно изменились за последние 30 лет, но дискуссия о необходимости их дальнейшей трансформации продолжается. Очередной виток активных дебатов случился на фоне принятия в 2014 г. новой Национальной программы обучения (*The National Curriculum*). Критики указывали, что в основе исторического образования по-прежнему лежит слишком националистическая и изоляционистская идеология, тогда как история бывших английских колоний и миграций на Британские острова все еще остается где-то на периферии; в учебниках до сих пор нет содержательного разговора о вкладе в историю страны расовых, этнических и религиозных меньшинств.

Runnymede, один из британских «мозговых центров», выпустил доклад с призывом переосмыслить национальную историю, признав «центральную роль [в ней] разнообразных сообществ» (*diverse communities*) (Alexander et al., 2015, p. 3). Многие известные историки и более 70 членов парламента подключились к общественной кампании за включение в школьный курс исторических фигур, которые должны иллюстрировать собой исторически сложившееся культурное разнообразие британского общества. В свою очередь, правые ин-

теллектуалы и политики высказывали опасения, что доминирование идеологии мультикультурализма в школьном образовании «разрушит чувство национального единства» (Alexander et al., 2015, p. 6).

Очевидно, что британскому обществу придется еще не раз возвращаться к этой проблеме в ближайшие годы – в сегодняшней Британии к категории «темнокожие и этнические меньшинства» (*Black and Minority Ethnic*, BME), относится 14% населения, а среди учащихся государственных образовательных школ среднего звена (13–18 лет) они составляют 23,2% (Alexander et al., 2015, p. 5). В крупных городах, где людей с мигрантским происхождением традиционно больше, эти цифры могут быть еще выше. При этом исследования показывают, что многие ученики из числа BME оценивают исторический нарратив, транслируемый британской школой, как недостаточно инклюзивный (Harris & Reynolds, 2014). В результате детям, которые не принадлежат к социокультурному мейнстриму, не всегда удается идентифицировать себя с историей, о которой они слышат на уроках и читают в учебниках. Сказанное, конечно же, не означает, что школьникам надо перестать рассказывать про Войну Алой и Белой розы, или что британская история должна сводиться к покаянию за преступления англичан в колониях. Речь идет лишь об очевидной потребности в более плюралистичном подходе к прошлому, в рамках которого в истории будут слышны голоса не только «мертвых белых мужчин»; о подходе, который поможет детям самого разного происхождения сформировать у себя чувство принадлежности к большой гражданской нации.

До сих пор проблема плюрализации мемориальной культуры рассматривалась в контексте роста культурного разнообразия обществ, но есть еще один фактор, не позволяющий рассматривать коллективную память как нечто монолитное, лишенное внутренних противоречий. Это идеологические, мировоззренческие расколы, характерные для любого социума. Люди делятся на правых и левых, секуляристов и антисекуляристов, этатистов и либералов и т. д. Подобные идеологические противостояния нередко отражаются и на восприятии национальной истории.

Здесь можно вспомнить знаменитый «спор историков» в ФРГ в 1980-е гг., когда идея канцлера Г. Коля о «нормализации» немецкого прошлого, в том числе периода нацизма, встретила, с одной стороны, поддержку консервативного фланга интеллектуальной элиты (Э. Нольте, М. Штюрмер и др.); с другой – яростное сопротивление леволиберальных интеллектуалов, самым известным из которых был Ю. Хабермас.

Еще более показательный пример – Испания, где левые и правые до сих пор сильно расходятся в оценке Гражданской войны 1936–1939 гг. и диктатуры Франко. У каждой из сторон есть собственный мартиролог: первые делают акцент на многочисленных преступлениях франкизма, вторые вспоминают террор республиканцев против Католической церкви: аресты и расстрелы священников, сожжение монастырей, изъятие церковной собственности. Поэтому не случайно, что в основе принятого в 2007 г. испанского Закона об исторической памяти лежала идея нейтральности государства в этой сфере. Ни одна из версий прошлого, по мысли законодателей, не должна утверждаться усилиями властей как единственно верная для нации в целом. В документе говорилось, что каждый человек, семья или группа имеют право на собственную мемориальную куль-

туру, задача же государства – «содействовать формированию демократической памяти» (Shevel, 2011, p. 143). Под этим понималось создание условий для сосуществования в публичном пространстве конкурирующих версий прошлого. Именно сознательный отказ государства от глорификации какой-то одной стороны конфликта должен был помочь сформировать чувство общественной солидарности и объединить испанцев вокруг «конституционных принципов, ценностей и свобод» (Shevel, 2011, p. 143). Так во многом и произошло: в условиях разделяющего прошлого основание для национального консенсуса было найдено в гордости большинства испанцев за мирный и успешный демократический транзит страны в постфранкистский период.

Во Франции многие представители крайне правых сил до недавнего времени отказывались признавать «ценности 1789 г.» в качестве основополагающих для страны. Когда вся Франция готовилась к 200-летию революции, правыми было организовано движение с показательным названием «Анти-89». Тогдашний лидер Национального фронта Ж.-М. Ле Пен публично заявил, что с принятием «Декларации прав человека [и гражданина] начался закат Франции» (Мохов, Мохова, 2016, с. 138); критике подвергалось и такое наследие Французской революции, как лаицизм (Diner, 1998, p. 302). Иначе говоря, для части общества (пусть и не очень значительной) истинной Францией оставалась Франция «Старого порядка», а в роли национальных символов выступали не Вольтер и Мирабо, а исторические персонажи вроде Жанны д'Арк, которая с начала XX в. стала для французских правых буквально культовой фигурой.

Плюралистическая память: перспективы для России

Проблема выработки более инклюзивной мемориальной культуры актуальна и для России, названной когда-то М. Гефтером «страной стран» – обществом, которое может «внутри себя организовать... [только] с акцентом на различия» (Гефтер, 2015, с. 367–368). В таком аспекте, как коллективная память, различия проявляются, среди прочего, в том, что многие российские регионы (прежде всего национальные) могут иметь свою версию прошлого, не совпадающую с «москвоцентричным» видением истории.

Скажем, для народов Северного Кавказа А.П. Ермолов – это, в первую очередь, не герой Отечественной войны и мужественный генерал, а человек, с чудовищной жестокостью занимавшийся «умиротворением» горцев. Еще один показательный пример – атаман Ермак. Для русского исторического сознания это героический персонаж – конкистадор, покоритель Сибири, чей образ увековечил К.Ф. Рылеев в знаменитом стихотворении; тогда как татары и многие сибирские народы помнят его как разрушителя исторической государственности (Сибирского ханства) и колонизатора. Аналогичным образом из «центра» взятие Казани войсками Ивана Грозного видится как приращение территории страны, а для потомков тех, кто был завоеван, эти события связаны с началом национального и религиозного угнетения⁸. Подобные примеры можно приво-

⁸ После взятия Казани мусульманам долгое время было запрещено селиться в городе, там были разрушены многие мечети; параллельно Православная церковь развернула активную миссионерскую деятельность. Политика насильственной христианизации,

дить и дальше, но отметим просто, что заявленная проблема касается не только коллективной памяти этнических меньшинств. Из Новгорода или Пскова история присоединения этих территорий к Москве тоже может выглядеть совсем по-другому, нежели из столицы (не как один из этапов прогрессивного процесса «собираения» русских земель, а как разрушение самобытной государственности с вечевой традицией).

Не учитывая таких деликатных моментов, мы рискуем спровоцировать мемориальные конфликты внутри российской нации. Один из недавних случаев произошел летом 2020 г., когда в Сочи по инициативе Российского военно-исторического общества и ряда местных депутатов был установлен Монумент подвигу русских солдат, сражавшихся в Кавказскую войну 1817–1864 гг. Это вызвало крайне негативную реакцию черкесской общины, после протестов которой памятник пришлось демонтировать. Параллельно разгорелся скандал в Сибири: татарские организации направили открытое письмо губернатору Тюменской области и главе Тобольска, протестуя против планов по возведению в городе поклонного креста в честь Ермака и его дружины.

Подобные эксцессы – не что иное, как проявление «мнемонического сопротивления» доминирующей исторической памяти (Ryan, 2014). Оно может быть пассивным, когда носители контрпамяти оказываются не готовы принять и усвоить официальный исторический нарратив, а может – как в случае описанных скандалов – прорываться в публичное пространство. Чтобы этого не происходило, «москвоцентричный» взгляд на российскую историю должен быть заменен тем, что М. Ротберг называл «разнонаправленной памятью» (Rothberg, 2009), в которой будет слышна не только победоносная имперская поступь. Но пока российское историческое образование устроено совершенно иначе; не случайно в более свободные в политическом смысле времена федеральные учебники регулярно критиковались в национальных регионах. Например, из Татарстана звучали обвинения в том самом «имперском» подходе, при котором лейтмотивом всей отечественной истории остается процесс расширения и укрепления государства, а история России оказывается связанной почти исключительно с русским народом. Остальным же народам России отводится «страдательная роль» – они появляются на страницах учебников только как те, кого русские покоряют, цивилизуют, или как те, с кем русские воюют (Гибатдинов, 2005, с. 44).

Но обозначенная проблема, конечно, выходит далеко за пределы односторонне написанных учебников истории. Она касается российского исторического нарратива в целом, всего символического пространства, ключевых музеев и других «мест памяти»⁹. Например, отечественные исследователи справедливо обращают внимание на то, что «за пределами национальных республик Северного Кавказа почти ничего не напоминает россиянину о покорении Кавказа»; едва ли кто-то из жителей «русских» регионов знает о памятной дате 21 мая – в этот день во многих северокавказских республиках проводятся памятные мероприятия, посвященные жертвам Кавказской войны и последующему насильственному выселению горцев с родных земель (Иванеско, Урушадзе, 2018, с. 188–189).

то активизируясь, то затухая, проводилась в Поволжье вплоть до середины XVIII в.

⁹ См., например, подробный анализ концепции, лежащей в основе тематических парков «Россия – моя история» (Шнирельман, 2018).

При этом, двигаясь в сторону формирования «разнонаправленной памяти», важно, конечно, выдержать баланс и не скатиться в этнический партикуляризм. Этим грешила мемориальная политика в российских республиках в 1990-е гг., нередко противопоставлявшая память татар или адыгов исторической памяти русских, либо же общегражданскому дискурсу.

Заключение

Общий вывод работы состоит в том, что коллективную память общества контрпродуктивно рассматривать как нечто единое, гомогенное и монолитное. Напротив, она представляет собой соединение разных элементов, нередко противоречащих друг другу. И то, что выдается за историческую память всего общества, часто является не более чем доминирующим нарративом, за которым не слышно альтернативных версий прошлого. В этом случае культурная память во всей ее сложности и неоднозначности просто подменяется тем, что М. Ферро назвал «историей победителей» (Ферро, 1992, с. 307).

Проблема заключается в том, что конкурирующие интерпретации прошлого все равно продолжают существовать (хотя бы в форме устной контр истории), а их носители обычно оказываются не готовы разделить «официальную» версию исторической памяти (как мы видели на примере австралийских аборигенов или памяти горцев о Кавказской войне). Следовательно, с высокой долей вероятности напряжение между доминирующей и «вытесненной» памятью все равно сохранится. А раз так, целесообразнее признать, что коллективная память может включать в себя разные исторические нарративы в их совокупности, нежели искусственно держать под спудом «неудобные» версии прошлого.

Стоит подчеркнуть, что отстаиваемая автором альтернатива принудительной унификации мемориальной культуры заключается вовсе не в формировании параллельных «сообществ памяти», перманентно противостоящих друг другу, а в складывании *общего пространства памяти*, в котором различные групповые варианты прошлого будут развиваться в прямой связи друг с другом.

Публичная сфера в демократических обществах является пространством, в котором идут постоянные дискуссии по значимым для всех членов «полиса» вопросам. По многим из них установление окончательного общественного консенсуса невозможно в принципе, поэтому, как отмечает Ш. Муфф, сам смысл политики заключается не в преодолении конфликта, а в его легитимации и институционализации. С этой точки зрения публичные противостояния, острые дискуссии и конфликты являются признаком общественного здоровья, а не симптомом социальной патологии. Разумеется, при этом важно, чтобы конфликты оставались в определенных рамках. Например, чтобы оппоненты рассматривались не как враги, которых необходимо уничтожить, но как соперники, в чьем праве на точку зрения, отличную от нашей, мы не сомневаемся (хотя и противостоим ей) (Муфф, 2008). Такие институционализированные конфликты не разрывают социальную ткань, но *формируют* ее, поскольку демократическое общество держится не на единомыслии по ключевым вопросам (невозможном по определению), а на существовании внутри него *общего пространства дискуссий*. Другими словами, общество конституировано как целое не столько одинаковыми ответами, которые дают его члены на фундаментальные вопросы

социального бытия, сколько характером, содержанием самих этих вопросов, которые релевантны данному обществу и никакому другому.

Все сказанное относится в полной мере и к мемориальным конфликтам. Наивно ожидать, что российское общество в обозримом будущем придет к согласованному мнению относительно революции 1917 г., фигуры Сталина или событий перестройки. И в этом нет ничего страшного, ведь дискурсивное пространство, сформированное вокруг этих споров, как это ни парадоксально, и образует, среди прочего, российскую нацию; точно так же испанская нация конституирована дискуссиями насчет Гражданской войны и периода франкизма, турецкая – разным отношением к кемалистскому наследию и т. д. Поэтому такого рода противостояния не стоит воспринимать как девиацию.

Как было показано в статье, пересмотр представлений о национальном государстве, усложнение культурного ландшафта современных обществ под влиянием внешних и внутренних факторов дают возможность подключиться к публичным дискуссиям о коллективной памяти акторам, чей голос раньше был зачастую не слышен – представителям этнических и расовых меньшинств, региональных сообществ со своей контрпамятью, мигрантам и т. д. Возможно, кому-то не по душе такая плюралистичная картина, но в конечном итоге выбирать приходится между ней и репрессивным по своей сути стремлением насадить единомыслие.

Список литературы

1. Геллнер, Э. (2002). Пришествие национализма. Мифы нации и класса. В *Нации и национализм* (с. 146–200). М.: Праксис.
2. Гефтер, М. (2015). *Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. Разговоры с Глебом Павловским*. М.: Европа.
3. Гибатдинов, М. М. (Ред.). (2005). Перспектива поликультурного подхода в преподавании курса «История Отечества». *Реализация национально-регионального компонента исторического образования в национальных республиках Поволжья и Приуралья: проблемы и перспективы: Материалы II Межрегиональной научно-практической конференции (26 октября 2004 г., Казань)* (с. 42–46). Казань: Институт истории АН РТ.
4. Иванеско, А. Е., Урушадзе, А. Т. (2018). Past Indefinite: историческая память и политика на Северном Кавказе. *Новое прошлое / The New Past*, (3), 186–222. <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2018-3-186-190>
5. Мохов, Н. В., Мохова, И. М. (2016). Рост популярности идей национализма в Европе (на примере французского Национального фронта). В В. А. Тишков и Е. И. Филиппова (Ред.), *Культурная сложность современных наций* (с. 133–156). М.: Политическая энциклопедия.
6. Муфф, Ш. (2008). Политика и политическое. *Политико-философский ежегодник*, 1, 88–102.
7. Ферро, М. (1992). *Как рассказывают историю детям в разных странах мира*. М.: Высшая школа.
8. Хенкин, С. М. (2015). Каталонский конфликт вчера и сегодня. *Актуальные проблемы Европы*, (1), 117–138.

9. Шнирельман, В. А. (2018). Манеж 2013–2016: публичная история России для народа? Выставки в Манеже как инструментальный подход к истории. *Историческая экспертиза*, 3(16), 92–116. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2018-3-92-116>
10. Alexander, C., Weekes-Bernard, D., & Chatterji, J. (2015). *History lessons. Teaching diversity in and through the history national curriculum*. London: Runnymede Trust.
11. Beyen, M. (2011). A parricidal memory: Flanders' memorial universe as product and producer of Belgian history. *Memory Studies*, 5(1), 32–44. <https://doi.org/10.1177/1750698011424029>
12. Burke, P. (2010). Co-memorations. Performing the past. In K. Tilmans, F. van Vree, & J. Winter (Eds.), *Performing the past: Memory, history, and identity in modern Europe* (pp. 105–118). Amsterdam: Amsterdam University Press.
13. Diner, D. (1998). Nation, migration, and memory: On historical concepts of citizenship. *Constellation*, 4(3), 293–306. <https://doi.org/10.1111/1467-8675.00056>
14. Harris, R., & Reynolds, R. (2014). The history curriculum and its personal connection to students from minority ethnic backgrounds. *Journal of Curriculum Studies*, 46(4), 464–486. <https://doi.org/10.1080/00220272.2014.881925>
15. Meissner, F., & Vertovec, S. (2015). Comparing Super-Diversity. *Ethnic and Racial Studies*, 38(4), 541–555. <https://doi.org/10.1080/01419870.2015.980295>
16. Parekh, B. (2000). *The Future of multi-ethnic Britain*. London: Profile Books.
17. Rothberg, M. (2009). *Multidirectional memory. Remembering the Holocaust in the age of decolonization*. Stanford: Stanford University Press.
18. Ryan, L. (2014). Cosmopolitan memory and national memory conflicts: On the dynamics of their interaction. *Journal of Sociology*, 50(4), 501–514. <https://doi.org/10.1177/1440783312467097>
19. Shevel, O. (2011). The Politics of memory in a divided society: A comparison of post-Franco Spain and post-Soviet Ukraine. *Slavic Review*, 70(1), 137–164. <https://doi.org/10.5612/slavicreview.70.1.0137>
20. Weldon, G. (2010). *A comparative study of the construction of memory and identity in the curriculum in societies emerging from conflict: Rwanda and South Africa*. Lambert Academic Publishing.

References

1. Alexander, C., Weekes-Bernard, D., & Chatterji, J. (2015). *History lessons. Teaching diversity in and through the history national curriculum*. London: Runnymede Trust.
2. Beyen, M. (2011). A parricidal memory: Flanders' memorial universe as product and producer of Belgian history. *Memory Studies*, 5(1), 32–44. <https://doi.org/10.1177/1750698011424029>
3. Burke, P. (2010). Co-memorations. Performing the past. In K. Tilmans, F. van Vree, & J. Winter (Eds.), *Performing the past: Memory, history, and identity in modern Europe* (pp. 105–118). Amsterdam: Amsterdam University Press.
4. Diner, D. (1998). Nation, migration, and memory: On historical concepts

of citizenship. *Constellation*, 4(3), 293–306. <https://doi.org/10.1111/1467-8675.00056>

5. Ferro, M. (1992). *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznyx stranax mira* [How the past is taught to children in different countries of the world]. Moscow: Vysshaya shkola.

6. Gefter, M. (2015). *Tret'ego tysyacheletiya ne budet. Russkaya istoriya igry s chelovechestvom. Razgovory s Glebom Pavlovskim* [There will be no third millennium. Russian history of playing with humanity. Conversations with Gleb Pavlovsky]. Moscow: Evropa.

7. Gellner, E. (2002). Prishestvie nacionalizma. Mify natsii i klassa [The advent of nationalism. Myths of nation and class]. In *Natsii i nacionalizm* (pp. 146–200). Moscow: Praksis.

8. Gibatdinov, M.M. (Ed.) (2005). Perspektiva polikul'turnogo podxoda v prepodavanii kursa "Istoriya Otechestva" [The prospect of a multicultural approach in teaching the course "Russian history"]. In *Realizatsiya nacional'no-regional'nogo komponenta istoricheskogo obrazovaniya v nacional'nyx respublikax Povolzh'ya i Priural'ya: problemy i perspektivy: Materialy II Mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferentsii (26 oktyabrya 2004 g., Kazan)* (pp. 42–46). Kazan: Institut istorii AN RT.

9. Harris, R., & Reynolds, R. (2014). The history curriculum and its personal connection to students from minority ethnic backgrounds. *Journal of Curriculum Studies*, 46(4), 464–486. <https://doi.org/10.1080/00220272.2014.881925>

10. Ivanenko, A. E., & Urushadze, A. T. (2018). Past Indefinite: istoricheskaya pamyat' i politika na Severnom Kavkaze [Past indefinite: Historical memory and politics in the North Caucasus]. *Novoe proshloe / The New Past*, (3), 186–222. <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2018-3-186-190>

11. Khenkin, S.M. (2015). Katalonskij konflikt vchera i segodnya [Catalan conflict yesterday and today]. *Aktual'nye problemy Evropy*, (1), 117–138.

12. Meissner, F., & Vertovec, S. (2015). Comparing Super-Diversity. *Ethnic and Racial Studies*, 38(4), 541–555. <https://doi.org/10.1080/01419870.2015.980295>

13. Mokhov, N. V., & Mokhova, I. M. (2016). Rost populyarnosti idej nacionalizma v Evrope (na primere francuzskogo Nacional'nogo fronta) [The growing popularity of ideas of nationalism in Europe (on the example of the French national front)]. In V. A. Tishkov & E. I. Filippova (Eds.), *Kul'turnaya slozhnost' sovremennykh natsij* (pp. 133–156). Moscow: Politicheskaya e'nciklopediya.

14. Mouffe, Ch. (2008). Politika i politicheskoe [Politics and the political]. *Politiko-filosofskij ezhegodnik*, 1, 88–102.

15. Parekh, B. (2000). *The Future of multi-ethnic Britain*. London: Profile Books.

16. Rothberg, M. (2009). *Multidirectional memory. Remembering the Holocaust in the age of decolonization*. Stanford: Stanford University Press.

17. Ryan, L. (2014). Cosmopolitan memory and national memory conflicts: On the dynamics of their interaction. *Journal of Sociology*, 50(4), 501–514. <https://doi.org/10.1177/1440783312467097>

18. Schnirelmann, V. A. (2018). Manezh 2013–2016: publichnaya istoriya Rossii dlya naroda? Vystavki v Manezhe kak instrumental'nyj podxod k istorii [Manezh 2013–2016: Russian public history for the people? Exhibitions in the Manezh as an instrumental approach to history]. *Istoricheskaya e'kspertiza*, 3(16), 92–116.

<https://doi.org/10.31754/2409-6105-2018-3-92-116>

19. Shevel, O. (2011). The Politics of memory in a divided society: A comparison of post-Franco Spain and post-Soviet Ukraine. *Slavic Review*, 70(1), 137–164. <https://doi.org/10.5612/slavicreview.70.1.0137>

20. Weldon, G. (2010). *A comparative study of the construction of memory and identity in the curriculum in societies emerging from conflict: Rwanda and South Africa*. Lambert Academic Publishing.

Информация об авторе

Денис Эдуардович Летняков, кандидат политических наук, доцент, Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7936-7013>, e-mail: letnyakov@mail.ru

Information about the author

Denis Eduardovich Letnyakov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7936-7013>, e-mail: letnyakov@mail.ru